

КАРЛОС ЛАНДЕРОС

Я, Елена Гарро

[195]

ИЛ 6/2019

Фрагменты книги

Перевод Ольги Кулагиной

Вступление Алексея Гришина

Живой образ

Кто такой Карлос Ландерос и чем так интересен нам? Прежде всего он журналист. Журналистике отдал более пятидесяти лет жизни. За это время опубликовал столько разных интервью, что, составив из них итоговый сборник, вынужден был издать его в двух томах по семьсот страниц в каждом.

В основном из интервью состоит и его книга *Я, Елена Гарро*. Но это не сборник, а говорящая книга с очень непростым “сюжетом”. И говорит в ней самая значительная мексиканская писательница XX века — Елена Гарро.

Поводом для их первой встречи был роман *Воспоминания о будущем*. Ландерос, совсем еще молодой репортер из столичной газеты, пришел по заданию редакции и для начала признался, что романа не читал... Позже ему довелось интервьюировать ее, когда она скрывалась в эмиграции и почти ни с кем не поддерживала отношений.

Ее ценили Борхес и Бьой Касарес. Она входила в интеллектуальную элиту. До эмиграции успела получить престижную премию Хавьера Вильяуррутии. В семнадцать лет вышла замуж за Октавио Паса, впоследствии нобелевского лауреата. Повезло ли с замужеством? Кажется, что и сама не знала. В любом случае, везения хватило только на первую половину жизни. А затем — тотальный остракизм, безденежье, болезнь, развод, подтвердивший, что от любви до ненависти всего шаг...

Причины эмиграции связаны со студенческими волнениями, закончившимися 2 октября 1968 года “Бойней в Тлателолько” (200—300 убитых и более тысячи раненых). Действия армии и полиции Елена Гарро не оправдывала. Тем не менее, “левые” обвинили ее в предательстве.

Была ли она “левой”? Факты свидетельствуют: да, сочувствовала униженным и оскорбленным (в первую очередь, крестьянам, индейцам); участвовала в акции протеста перед посольством Боливии, требуя выпустить из тюрьмы Режи Дебре; не питала особых симпатий к марксистам и не видела света в окошке в самом существовании СССР.

Студенческие протесты сначала поддержала. И вдруг собрала пресс-конференцию и заявила, что интеллектуалы, инициировавшие волнения в университете, преследуют собственные цели и, кроме того, безответственны: вывели студентов на улицу, а потом бросили на произвол судьбы. Конкретные имена не были названы, но в газетах появились.

Никто точно не знает, что заставило так поступить. Может быть, и не было никаких причин? Вернее, единственной причиной был ее скверный характер? Думаю, дело не только в характере. В отличие от большинства участников и руководителей протестного студенческого движения, уверовавших в марксизм и даже в советский и кубинский опыт, Элена Гарро верила в ПРАВА ЧЕЛОВЕКА и в МЕКСИКАНСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ. К тому же руководствовалась формулой “Платон мне друг, но истина дороже”. Прекрасная формула. В политике особенно хороша: позволяет перессориться со всеми, не только с “левыми”. Именно это и произошло, когда вся мексиканская интеллигенция была настроена против режима Диаса Ордаса¹, а она встала на сторону его администрации. В поисках истины, разумеется. Не предполагая, что противостояние кончится кровопролитием. Если бы не XIX Олимпийские игры, кончилось бы как всегда — ничем или компромиссом. Однако за десять дней до открытия летней Олимпиады, состоявшейся в Мехико с 12 по 27 октября, власти решили “зачистить территорию” любой ценой...

В результате, Гарро оказалась дискредитированной среди тех, кто был недоволен крайне непопулярным президентом, и в то же время попала в черный список причастных к “антиправительственному заговору”. Бежала в США, где безуспешно попыталась получить гражданство, потом — в Испанию и, наконец, перебралась во Францию.

Вернулась через двадцать лет уже в возрасте и с расстроенным здоровьем. Из безденежья так и не вырвалась. Зато *post mortem* литературоведы вдруг дружно установили, что именно с ее первого романа, а не со “Ста лет одиночества” Маркеса, начиналась новая эра — *магического реализма*. Предвестником этого литературного стиля справедливо считать *Педро Парамо* — роман Хуана Рульфо. Однако она опередила и его. Просто ей не удалось свой роман напечатать сразу. Кстати, очень скоро она уже иронизировала по поводу *магического реализма*. Он стал ей тесен. Ее поздняя проза выглядит по-другому.

Сегодня в Мехико есть Культурный центр имени Элены Гарро. Ее творчество изучают. В 2016 году отметили столетие со дня ее рождения.

Переведена ли она в России? В “Книге песчинок” (Л.: Художественная литература, 1990) можно прочитать рассказ *Во всем повинны тласкальтеки*; в “Книге сновидений”, составленной Борхесом (М.: Амфора, 2005), есть мини-рассказ в несколько строк — *Теология*.

Но вернемся к Ландеросу. Интервьюируя Элену Гарро, он никогда не бывал, какого масштаба человек перед ним, и, когда готовил материал для пе-

1. Густаво Диас Орда — президент Мексики (1964 — 1970).

чати, не обрезал “боковых веток” — случайных сюжетов, возникших по ходу действия. Он и сам иногда задавал необязательные вопросы, на правах друга раскачивая “лодку, разбившуюся о быт”. Например, в Париже спросил, где бы Гарро хотела умереть. Она ответила — в Санкт-Петербурге. В 1989 году такого города уже (и еще) не существовало. В том, что он появился, конечно же никакого магического реализма нет. Зато в таких необязательных вопросах и неожиданных ответах есть магия, позволяющая видеть живой образ Элены Гарро, с творчеством которой нам еще предстоит познакомиться.

P.S. Должен ли писатель, — спрашивает Ландерос не Элену Гарро, а себя, — участвовать в политике настолько активно, что это ломает ему жизнь и отодвигает признание его таланта так далеко, что оно приходит посмертно? Вопрос, конечно, риторический.

Алексей Гришин

Памяти моей матери,
Марии Гальегос де Ландеро

Встречи

ДЕНЬГИ, деньги! Вот что мне нужно, — ответила Элена Гарро на мой вопрос, что ей привезти: розы, ее любимые цветы, или, может быть, что-то еще, по ее желанию, но ответ был категоричным. Ей нужны деньги. Я очень больна, — сказала она мне незадолго до смерти.

Просматривая наши беседы, я вижу, что одной из постоянных тем, наравне с Бальзаком, была хроническая нехватка денег. В “Воспоминаниях об Испании” она рассказывает, как в Мадриде вытянула из Хосе Бергамина какую-то сумму, чтобы купить мантилью, приглянувшуюся ей в одной из витрин на Гран-Виа. Другой постоянной темой были ее бурные отношения с Октавио Пасом, которого она, по ее словам, никогда не любила. Я этому не верил. Элена всю жизнь считала его великим поэтом и очень гордилась, когда он получил Нобелевскую премию по литературе. Чатита Пас Гарро¹ не раз утверждала, что ее отец, Октавио Пас, был блистательным писателем, более эрудированным и дисциплинированным, чем ее мать, но уступал Элене в таланте.

1. Елена Пас Гарро, дочь Октавио Паса и Элены Гарро. Прозвище “Ла Чата” переводится как “малявка”, “малышка”.